

После школы, когда Янь Гоу и Лян Вэньдао торопились в библиотеку, Ли Наньбянь терпеливо разбирал учебные материалы Цзинь Мэнлу. Лу Жун, отправив каждому красный конверт на ужин, выкатывал свой велосипед из школьных ворот вместе с толпой возвращающихся домой.

Старшекласснику трудно избежать соблазна перекусить после уроков. У ворот школы Чэннань выстроилась вереница тележек с дымящимися угольными печами. В черных, промасленных корзинах шкворчали аппетитные, но нездоровые лакомства.

В час пик после звонка, сосиски и мясные шашлычки, известные своими сомнительными ингредиентами, купались в кипящем масле. Дурманящий аромат манил уставших учеников. Обжигающе-горячий фастфуд исчезал из корзин мгновенно.

— Отсканировали Алипэй?

— Какую сосиску желаете?

.....В благоухающем воздухе витали вопросы.

Школьники, не в силах устоять перед очарованием вредной еды, теснились возле тележек, создавая оживленную суету.

Каждый торговец наслаждался золотым часом, кроме одного. Старый дядя, одиноко стоявший на прохладном осеннем ветру, с жалкими остатками волос, трепещущими на ветру. Перед его тележкой не было ни души, в сковороде пусто, а корзина для жарки полна остывших шампуров. Запрокинув голову к небу под углом в 45 градусов, он источал мрачную ауру. Если бы не маслянистый блеск на лице, его можно было бы принять за ученого.

Перед ним стоял Лу Жун.

— Старый Ван.

Старый Ван опустил взгляд.

— А, это ты. Бери, — буркнул он, кивнув подбородком на корзину с шашлыками, и, сделав глубокую затяжку сигаретой, снова устремил взгляд в небо.

Лу Жун потянулся было к шашлыку, но, увидев, как пепел падает на мясо, отдернул руку. Неудивительно, что дела у Старого Вана шли так плохо. Приземистый, толстый, с жалкой плешью, обрамленной редкими прядями волос. Его лицо было грубым и небритым, а весь его вид вопил: «Жирный дядька средних лет!» О гигиене и говорить нечего - пепел вместо тмина.

Посмотрите на деловитую Чэнь Юйлянь - шутит, заискивает, строго требует оплату - все от души. А Старый Ван... Кажется, он просто пытается свести концы с концами, без энтузиазма и огонька. Из тех, кто берет деньги, но шашлыки жарит кое-как, и ему все равно, если они подгорят.

— Потушите сигарету, пойдём на рынок, — предложил Лу Жун.

— Ладно.

Старый Ван, одетый в майку-алкоголичку, фартук, короткие шорты, демонстрирующие волосатые ноги, и шлепанцы, бросил окурок на землю и растоптал его с нескрываемой яростью. Он медленно привел в порядок свою тележку, закатил ее в ближайший гараж и с грохотом оттолкнул.

Лу Жун и Старый Ван миновали оживленный торговый ларек, где тетушка во весь голос выкрикивала:

— Чья куриная котлета?

Лу Жун:

— Эту тележку держит Чэнь Юйлянь. Утром она продает клейкий рис у школы, а вечером - шашлыки. Она здесь уже одиннадцать лет, с тех пор как я поступил в школу. Дождь или солнце, она пустила корни в Чэннане. У нее три дома, а годовой доход превышает миллион. Она ездила на Мальдивы во время летних каникул. Ее сын примерно моего возраста, учится в средней школе в Америке.

Старый Ван глубоко вздохнул, так сильно, что его жалкие волосы зашевелились.

Старый Ван:

— Человек с характером не согнется и за пять чашек риса.

Лу Жун:

— С моей мамой что-то случилось?

Старый Ван вздрогнул.

Старый Ван:

— Человек с характером не будет беспокоиться о том, что у него нет жены.

Лу Жун:

— Я запомню ваши слова. Если вы заявитесь ко мне домой, я сразу же ударю вас.

Старый Ван остановился. Он был студентом 90-х, изучал литературу. Чувствительный и честный, он не смог устроиться в редакцию газеты и стал таксистом. Гордость ученого не позволяла ему смириться с таким положением. Разочарованный, он работал без огонька и не разбогател.

В прошлом году Старого Вана ограбили. Он не пострадал, но теперь такси вызывали у него приступы ПТСР. Он вернул машину, на которой отработал семь или восемь лет, в компанию и посмотрел на остаток на карточке.

— Боже, что я делал все эти годы? Где деньги?

Он перебивался случайными заработками, но нигде не задерживался больше месяца. В прошлом месяце он купил угольную печь и фритюрницу, чтобы жарить шашлыки. Тело Старого Вана жарило шашлыки, но сердце его тосковало по литературе. «Я – ученый, почему я так прозябаю?» — часто спрашивал он себя.

Он был выдающимся учеником престижной школы. В юности он изучал русскую литературу, носил с собой томик Толстого и покорял сердца младших сестер, прогуливаясь по школьному двору.

Сейчас ему было почти сорок, он мало зарабатывал и с каждым днем терял волосы. Он не создал ни семью, ни карьеру. За эти годы девушка его мечты превратилась из сестренки в молодую леди, а затем – в разведенную даму средних лет.

Мама Лу Жуна, Фан Цин, была цветком многоэтажки, одинокая мать. Старый Ван жил по соседству, но даже в самых смелых мечтах Фан Цин не видела в нем «старого Вана из соседнего дома».

[Старый Ван из соседнего дома – это сосед, у которого был роман с вашей женой.]

Лу Жун не высказывал своего мнения. Он, как представитель молодого поколения, не собирался вмешиваться, осуждать или нести ответственность за любовь людей средних лет.

Но Старый Ван хотел стать его отцом, а он не мог позволить своему потенциальному отцу оставаться таким нищим. В противном случае, если Старый Ван добьется успеха, люди будут говорить: «Эй, этот продавец шашлыков у школы – твой отчим?», заставляя его краснеть от стыда.

Если уж его отчиму суждено продавать шашлыки, то он должен стать королем шашлыков.

Лу Жун хорошо знал рынок. В час пик после работы здесь было не протолкнуться, но он ловко лавировал на своем женском велосипеде, не выпуская его из рук ни на секунду. Оставить велосипед в таком месте – все равно что бросить камень в воду. Звук услышишь, но велосипед больше не увидишь.

Покупая овощи, Лу Жун наставлял Старого Вана:

— Все продают шашлыки у школы. Вы тоже продаете шашлыки, но вы новичок, у вас нет никаких преимуществ. Чтобы победить в этой войне, у вас есть только два варианта.

Старый Ван искоса посмотрел на него.

— Говори.

Лу Жун:

— Первый – снизить цену, сделать ее ниже, чем у других. Тогда клиенты, естественно, выберут вас. Но это не продлится долго. Как только вы начнете ценовую войну, другие продавцы либо снизят цену, либо объединятся, чтобы изолировать вас, побить и прогнать.

Старый Ван закрыл глаза и внимательно слушал, а затем внезапно издал боевой клич и бросился в атаку с кулаками в стиле богомола.

— Псих! — Женщина, торговавшая луком позади него, возмутилась, что он ее задел.

Старый Ван выпрямился и тут же вернулся в свое привычное задумчивое состояние, как будто мирские дела его не касались.

Лу Жун глазами одернул Старого Вана и продолжил:

— Второй вариант – предлагать то, что пользуется спросом, то, чего нет у других.

Старый Ван:

— Продажа шашлыков у школьных ворот – это здравый смысл. Спешка с внедрением нового продукта не гарантирует, что клиенты будут рады его появлению.

Лу Жун:

— Не волнуйся об этом. Я уже придумал товар, который будет пользоваться успехом.

Старый Ван:

— И что же это?

Лу Жун:

— Три тысячи за формулу.

Старый Ван:

— Три тысячи за формулу?! Да ты грабишь меня!

Лу Жун:

— Сделка заключается по обоюдному согласию. Не хотите - оставьте деньги себе. Никто вас не грабит.

Старый Ван:

— ...

Старый Ван:

— Сделай дешевле!

Лу Жун:

— Я могу вообще не брать с вас деньги. Но потом вы будете отдавать мне 10% от прибыли с каждой проданной порции.

Старый Ван:

— Черт возьми! Ты что, считаешь меня дураком? Конечно, три тысячи сразу - дешевле!

Лу Жун чеканил слова, словно высекал их на камне:

— Десять процентов - и я акционер. Клянусь, через полгода вы вернете вложенное, через год - откроете свой магазин, а через три года - филиал!

Старый Ван скривился:

— Не знаю, как насчет возврата капитала за полгода и открытия магазина за год, но в одном ты преуспел - в умении морочить голову.

Лу Жун, словно не слыша, выбрал рыбу и уложил ее в велосипедную корзину.

— Подумайте хорошенько.

Старый Ван, помедлив, спросил:

— С твоей матерью правда что-то случилось?

— Основываясь на моих наблюдениях, — сухо ответил Лу Жун.

Старый Ван почесал затылок, полез за телефоном, открыл Алипэй.

— Три тысячи?

Лу Жун молчал, прожигая его взглядом.

— Три тысячи, так три тысячи, — пробормотал Старый Ван, готовясь к переводу.

Экран высветил безжалостное: «Недостаточно средств». Он перешел на другую карту, но и там его ждала пустота.

Лицо Старого Вана побагровело. Злорадная усмешка медленно расплзлась по губам Лу Жуна. На лбу Старого Вана выступила испарина. С отчаянием, он сунул телефон обратно в карман и, понурившись, достал сигарету.

Лу Жун окатил его ледяным взглядом.

— Я несовершеннолетний.

Старый Ван с обреченностью спрятал сигарету.

Под багряными лучами заходящего солнца Лу Жун толкал велосипед, по-дружески похлопывая Старого Вана по плечу.

— Считайте, теперь мы партнеры.

— Убирайся, — пробурчал Старый Ван.

Они почти добрались до дома, как вдруг замерли, словно вкопанные. Перед ними, чуждый этому двору, словно пришелец из другого мира, стоял автомобиль. Блестящий, как начищенное золото, он отражал закатное зарево, превращаясь в жидкое пламя, струящееся по белоснежному кузову цвета шампанского.

Лу Жун остановил велосипед, подошел к Старому Вану и зачарованно уставился на гладкий, как шелк, корпус.

Старый Ван неловко пригладил свои редкие пряди волос, исподтишка наблюдая за реакцией мальчишки.

Лу Жун разглядывал свое отражение в лакированной поверхности.

— Bentley Mulsanne Long Wheelbase, вершина автомобильной роскоши, стоит целое состояние.

— Какому богатому ублюдку она принадлежит? — проворчал Старый Ван.

В этот момент из подъезда выскочил сорванец с камнем в руке, намереваясь оставить отметину на сверкающем боку.

Лу Жун молниеносно схватил его за руку, его глаза метали молнии.

— Не трогай!

Старый Ван оттолкнул ребенка.

— Я понимаю твою ненависть к богатым, но не будь таким жестоким, это не твоя машина, — нравоучительно произнес родитель несносного ребенка.

— Не знаешь, как сложится твоя жизнь, не знаешь, будешь ли ты сам ездить на такой машине. Если бы кто-то поцарапал твой Bentley, тебе было бы все равно? — выпалил Лу Жун и, сжимая в руке пакет с рыбой, скрылся в подъезде.

Старый Ван прислонился к дверце машины, украдкой закурил сигарету, провожая взглядом

удаляющуюся фигуру Лу Жуна. Затем посмотрел в небо.

— Откуда у этого мальчика столько заумных речей?

Окно Bentley бесшумно опустилось.

— Прошу прощения, не могли бы вы не облачиваться на машину? — вежливо попросил водитель.

— ...А, ну да, конечно, — смущенно ответил Старый Ван.

<http://bllate.org/book/15338/1355568>